

Пожаров Александр

15.12.94

«Один скрипач купил себе магнит и понес его домой... Хулиганы сбили с него шапку. Шапка попала в лужу с серной кислотой и там истлела... Тесть кондуктора обжегся помидорами и умер. Его положили в покойничью, но там его перепутали и вместо тестя кондуктора похоронили какую-то старушку. На могиле старушки поставили белый столб с надписью: «Антон Сергеевич Кондратьев...»

Конечно же, эти нелепые герои, с которыми творится такая нескладуха, придуманы Даниилом Хармсом. А со спектакля «Хармс! Хармс. Шардам! или Школа клоунов» более десяти лет назад начался новый, левитинский период в жизни этого старого московского особняка в некогда уютном московском саду «Эрмитаж». Несчастный же скрипач с магнитом — наш герой, актер театра, заслуженный артист России Александр Пожаров.

До чего же редко в наших театрах артисты «купаются в роли», ощущая наслаждение от собственной игры, от самой стихии театрального представления. В «Эрмитаже» эту заразительную радость им дано испытать. Обэриуты, которых ставит Михаил Левитин, дарят его актерам возможность окунуться в первородство игры, в брызжащее энергией действо. Для Пожарова такого рода материал близок.

— Моя родина — Замоскворечье. До сих пор помню, как бежал по Стрелецкому переулку. В одной пикаме, в домашних тапках, а в душе все ликовало — «Меня приняли в детский хор при Большом театре!». Больше всего я радовался за своего отца, который очень хотел, чтобы я пел.

Пожалуй, из того детского ликования и родился дар артиста. Хору при Большом театре благодарны многие. Выступая на одной сцене с Петровым, Архиповой, Эйзенем, Вишневской, работая с Борисом Александровичем Покровским, они впервые пережили восторг приобщенности к искусству.

Естественно, судьба уже была определена — после армии поступил в театральное училище. В «Щепке» тогда преподавал уникальный педагог — Николай Александрович Анненков.

— Николай Александрович, справивший недавно свое 95-летие, был мощным актером и человеком, таким он и сейчас остается. Природа наградила его, не скупясь. Помню, на вступительных экзаменах он сказал: «Пожарова надо брать. Человек с такой фамилией должен быть артистом». Тогда-то я и узнал про своего великого однофамильца, который сменил фамилию на Остужева, потому что во время одного спектакля, когда публика бисировала кому-то из театральных пожарных, послышалось: «Пожар!». Так что, вот благодаря еще и своей знаменитой фамилии я стал артистом.

Артистом — то он стал, но актерскую свою судьбу обрел позже, уже когда лет пять проработал в Театре миниатюр, играя все подряд и став даже лауреатом «Театральной весны-77». Особой судьбы ждал тогда и сам театр.

До того многие годы Театр был своего рода эстрадным коллективом, который резвился, развлекал на все лады публику, пел и плясал, в меру острит и куражился.

— Я еще в детстве бывал в Театре Миниатюр. Помню, всей школой тогда ходили. Не помню, что смотрели, но помню, что смеялся так, что меня чуть не вывели из зала — мешал смотреть.

Он и теперь так же заразительно смеется на спектаклях, в которых сам не занят, — открыто, непосредственно, как незащищенный зритель, лишенный амбиций и завистливых комплексов. Счастливый и редкий по нынешней жизни в театре дар для артиста.

Приход Левитина в тот развеселый театр был пятнадцать лет назад, как гром среди ясного неба. Часть актеров ушла сразу, не разделив программы нового режиссера.

Левитин заявил о своих намерениях демонстративно, эпатажно. Его интересовал театр выразительного слова, острой формы, непосредственного эмоционального выражения. Артистам, на протяжении многих лет не выходящим за рамки шутильбых скетчей и беззубых анекдотов, во многом пришлось менять представления об отношениях с драматургией, зрителем, Пожарову театр Михаила Левитина пришелся в самую пору.

— Тогда, на «Хармсе...», во время репетиций этого непривычного для нас материала, я почувствовал энергию, которую излучал режиссер. Находясь рядом с таким человеком, нельзя было не заразиться его отношением к делу.

Актер почувствовал главное в обэриутах: желание взорвать устоявшийся, закостеневший мир, чтобы увидеть его заново, непредвзято, чисто и непосредственно, как смотрят на мир дети. Сам Хармс называл это «чистотой порядка», которая одинакова «в солнце, траве, человеке и стихах».

Из интервью с Михаилом Левитиным.

— Михаил Захарович, каким вы помните Пожарова? Можно ли было предположить, что он станет вашим актером?

— Внешне это был такой мальчик, аккуратненький, хорошенький, стройненький, ловкий, легкий и очень внимательный, но конфликтный по отношению к бывшей в то время труппе. Это, как вы понимаете, было его достоинством.

— Что значит конфликтный?

— Я имею в виду прежде всего то, что в театре тогда жизнь остановилась. Было много рутины, просто пошлости. А Пожаров человек от конферанса, от музыки, юмора. Музыкальность в нем уникальная, я бы сказал, биологическая даже. Ко всему, что он делает, к своей правде на сцене, он идет прежде всего через

слух. Естественно, что он был среди недовольных в прежней труппе, он был необустроен, и этим, в частности, он мне был интересен. И он был очень внимателен. С этого и началось.

Из стенограмм репетиций спектакля: «Нищий или Смерть Занда» (режиссер М. Левитин):

«Вы должны выйти из бытового равновесия в открытую музыку. Не через бытовую речь — тут совсем все по-другому. Тут внутри текста, внутри фраз — как пузырьки воздуха. Это от внутренней переполненности. Необходимо дотянуть себя из простой человеческой органики в органику поэтическую, музыкальную. Где из вас рождается музыка! Где, откуда! Ищите ее».

Как это сыграть? Как сыграть эту внутреннюю переполненность?..

Пожаров в «Занде...» играет отцов троих героев. Герои мучаются в попытке найти выход из «заговора чувств», в котором они оказались по воле судеб. В

МУЗЫКА ПЕРСОНАЖА

этом ярком и щемящем зрелище герои Пожарова излучают тепло и боль, сострадание к тем, кто рядом, к своим детям. Они переполнены страстным желанием понять их, разделить их душевные метания и хоть как-то помочь облегчить их участь.

Впрочем, доброта, тепло, свет живут во всех героях Александра Пожарова. Он и сам немножечко похож на них, уютных, смешливых, внимательных, славных.

Из интервью с М. Левитиным.

— Саша человек очень осторожный, я бы даже сказал, колеблющийся. Чтобы занять свою нишу на сцене, ему нужно его время. Это очень серьезный процесс для него. Он чрезвычайно впечатлителен. Сколько бы он ни работал, каким бы Заслуженным ни был, он всегда будет неуверенным в себе человеком — до той минуты, когда репетиции, поиски не впадают в музыкальную сферу. Я имею в виду не только работу с музыкой, а именно тот момент, когда от него потребуются ритмическое, мелодическое восприятие мира. Где требуется очень четкая, координированная пластика.

Вы даже не представляете, что значит для него музыка. Он родился уникально талантливым музыкантом. Он буквально «вылучивает» зерно из музыкального задания, которое я ему даю. Это, пожалуй, в нем самое интересное.

Это качество как нельзя лучше проявляет себя в «Парижской жизни», где он играет сапожника, веселого, беззаботного, скорого на шутку и розыгрыш. Сумбур событий, с птичьей легкостью кружащихся под сводами Эйфелевой башни, бросает героев из одной переделки в другую. Кроме всего прочего, «Парижская жизнь» потребовала от артистов непосредственности, легкости, ипривости, пластичности, именно музыкальной пластичности и хорошего вокала.

А. Пожаров: — При всей своей бурной фантазии Михаил Захарович дает артисту — мне, во всяком случае, — очень четкий рисунок роли, в котором чувствуешь себя абсолютно свободным. Иногда он подводит совершенно неожиданно к мелочам, которые становятся разгадкой роли, ключом к ней. Например, своего Жевакина в «Женитьбе» Н. В. Гоголя я по-настоящему понял на последней, световой репетиции. На той самой реплике: «Эх ты, Дырка эдакий...», когда мой герой вспоминает о своем давнем знакомом по службе. Я понял тогда своего несчастного Жевакина — одинокого, заброшенного человека, стремящегося к пониманию и состраданию.

Из интервью с М. Левитиным.

— Саша очень удобный актер. Что я имею в виду? То, что он не назойливый артист, себя не демонстрирующий. Я это в нем очень ценю.

— Наверное, это отражение его человеческих качеств?

— Несомненно. И идет это, в частности, от чувства ансамблевости. Он человек большого порядка, четкой организации, что бывает очень редко среди актеров. Он не просто организованный человек. Он человек, любящий вокруг себя стройность, порядок.

— И то, что он играет, он должен понимать...

— Обязательно. Он должен все видеть и все просчитывать. Никаких случайностей в игре. Отсюда у него чувство формы и та самая природная музыкальность, которая требует стройности, определенности. И потом, он очень «долгий» артист: артист буквально последней репетиции. Когда он выходит на сцену, он видит все — где-то стул сдвинут, ковер небрежно завернут. Неряшливость страшно его раздражает. Он знает, как должен выглядеть костюм его партнера, как располагаются реплики персонажей. Он педант, и это мне в нем нравится.

Он таким был с самого начала?

— Да. Мне кажется, он всегда был таким. Но он при этом невероятно легок. Я ощущаю его постоянное стремление к изяществу исполнения. Это изящество, оно ведь и в его внешнем облике. Он небольшого роста, но при этом чрезвычайно строен. Просто удовольствие на него смотреть. И в ролях своих он тоже стремится, прогрызая самим же собою возвышенные заботы, выходить к такому же изяществу.

Играя на материале, который предлагает своим актерам Левитин, нужно быть виртуозом и обладать повышенной чувствительностью к литературному и сценическому стилю.

«Вечер в сумасшедшем доме» поставлен по произведениям А. Введенского, Н. Олейникова, Н. Заболоцкого. Спектакль состоит из «разговоров», разыгрываемых актерами. Главную тему «Вечера...» ведет Виктор Гвоздицкий, который объединяет все происходящее в единое трагическое повествование о жизни и смерти, об одиночестве художника и человека.

Пожаров играет здесь человека, которого просто и без затей зовут Второй. Он один из той троицы, что находится в зале на всем протяжении спектакля, разыгрывая короткие сценки, мгновения, насыщенные высоким трагическим смыслом.

Трудно пересказать этот спектакль. В нем завораживает удивительная слаженность всех, занятых в постановке.

Актеры как бы аккомпанируют друг другу, ритмически подстегивают, оттеняя достоинства каждого, создавая ощущение слитности и нерасторжимости многоголосия. В полной мере это относится и к «Дон Жуану», где Александр Пожаров играет Сганареля.

Из интервью с М. Левитиным.

От чего вы исходите, отдавая Пожарову ту или иную роль? Кого он может играть?

— Прежде всего он должен играть роли эксцентрические, в которых есть подчеркнутая театральность, острая форма. Сейчас, например, он играет в спектакле «До свиданья, мертвец» человека без обеих ног. Попробуйте сыграть человека без ног! Кроме того, ему нужна роль среднего объема, но которая в спектакле может занять главное место. Это, знаете, функция Мартинсона в Театре Мейерхольда. Гарин мог играть роли главные, сквозные. А Мартинсон всегда играл роли средней величины. Но всегда можно было идти в театр «на Мартинсона». Потому что без его роли не было спектакля. Место Пожарова в моем спектакле примерно такое же. Он абсолютно мой актер.

— А что значит — ваш актер?

Язык нашего театра ему понятен и близок, он отвечает мне изнутри спектакля, — вот что я называю понятным: «мой актер». С Сашей часто подолгу приходится добиваться нужного результата, но я понимаю, что у каждого актера есть свое время созревания роли. Я могу торопить его, не торопить. — это абсолютно ничего не меняет. И потом — он артист, который никогда не сходит с уже достигнутой высоты. Никогда! Ему ничто не мешает, зафиксировав рисунок роли и закрепив результат, сыграть ее на уровне, обретенном накануне. Очень профессиональный актер!

Из стенограмм репетиций «Занда...»:

«Природа актерского творчества эгоистична, это очевидно. Каждый как бы делает свое дело. Каждый играет свою роль. Каждый знает эффективные места своей роли, чувствует их и соответствующим образом выстраивает и роль, и свое существование в спектакле. Но мы же вместе ИГРАЕМ СПЕКТАКЛЬ! А спектакль это не просто совокупность ролей. Это какая-то колоссальная ОБЩАЯ ЖИЗНЬ!»

Татьяна НЕМЧИНСКАЯ.

Фото Юрия Феклистова.